

Н. Н. ОБРУЧЕВ — ОГАРЕВУ

Публикация Н. Н. Новиковой

Автор публикуемого письма, известный военный деятель Николай Николаевич Обручев (1830—1904), в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов являлся видной фигурой революционно-демократического лагеря. Он был тесно связан с Чернышевским и Добролюбовым, с Герценом и Огаревым. В 1858 г. Обручев редактировал вместе с Чернышевским «Военный сборник»; в истории этого издания именно этот год может быть назван «героическим периодом». Но связи Обручева с руководителями революционно-демократического движения не ограничивались областью литературного сотрудничества — они распространялись и на революционно-конспиративную деятельность. О существовании конспиративных связей между Обручевым и руководителями революционно-демократического лагеря шестидесятых годов свидетельствует несколько фактов. В 1859 г. Обручев был поименован в перечне тех лиц, которых Добролюбов причислял к немногим людям, проявляющим «настоящее сочувствие» делу революции. Мы имеем в виду общепринятую расшифровку обозначения «О» в известной записи от 5 июня 1859 г., сделанной Добролюбовым в дневнике по поводу статьи Герцена «Very dangerous!!!». В бумагах Добролюбова сохранилась рукопись Обручева: черновик прокламации, обращенной к солдатам, а может быть, план беседы с солдатами. На рукописи есть пометка: «Вечером передайте Чернышевскому»* (ИРЛИ. Бумаги Добролюбова. 1703. XI б. 22).

Из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой известно, что Обручев принимал непосредственное участие в составлении статьи-прокламации Огарева «Что нужно народу?» — статьи, которая послужила основой программы будущей «Земли и воли» (см. Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 311).

Обручев фигурирует в известном списке III Отделения в качестве офицера, который проповедовал необходимость уважать солдат и вместе с Чернышевским и Н. А. Серно-Соловьевичем был заподозрен в причастности к обществу «Великорусс» (ЦИАМ, ф. 109, 1 эксп., № 230, ч. 1, стр. 45).

В литературе имеются указания и на другие конкретные факты участия Обручева в революционном движении 1859—1861 гг. Однако эти факты еще нуждаются в дополнительной проверке: свидетельства современников не всегда ясны и достоверны. Так, в результате специального обследования мы отвергаем, например, утверждение, будто Н. Н. Обручев был одним из издателей прокламации «Великорусс». В то время, когда в Петербурге распространялась первая прокламация-листок «Великорусс», т. е. в мае—июле 1861 г., Н. Н. Обручев находился в Лондоне; провел он за границей и предшествующий год. Он приехал в Лондон не позднее 10—19 мая 1861 г. и прожил там около трех месяцев. Это подтверждается его письмом к Добролюбову (ИРЛИ. Бумаги Добролюбова. 222/2050. IX — письмо от 21 февраля 1861 г.; журнал «Заветы», 1913, № 2, стр. 95—96) и официальными документами о поездке за границу. Как раз в те месяцы, когда Обручев находился в Лондоне, последовал запрос начальника Главного штаба, адресованный Академии генерального штаба, относительно местопребывания «командированного за границу (...) полковника Обручева».

* Второе слово написано неразборчиво. Можно прочесть иначе: «Вечером приезжайте к Чернышевскому».

Запрос был сделан по инициативе петербургского военного генерал-губернатора и ответ на этот запрос подтверждает, что Обручев был в Лондоне, начиная с 19 (а может быть даже с 10) мая 1861 г. (ЦГВИА, ф. 544, оп. 2, дело № 830, лл. 32—33, 62—63). Таким образом, в тот период, когда в Петербурге готовился, а затем распространялся второй номер «Великорусса», т. е. в августе—сентябре 1861 г., Обручев сперва жил в Лондоне (примерно до начала августа), а затем совершал путешествие по Швейцарии и Северной Италии. Официальные архивные документы свидетельствуют, что Обручев возвратился в Петербург 30 октября 1861 г., через Берлин, где он жил с начала октября (ЦГВИА, цит. дело, лл. 67—70). Уехал же он за границу 7 мая 1860 г. Длительное отсутствие Обручева в Петербурге совершенно бесспорно, и потому мы считаем невозможным принять гипотезу о его *близком* участии в создании «Великорусса» (Н. Н. О в и к о в а. «Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—1861 гг. М., 1951. Диссертация и автореферат диссертации).

Сложность решения вопроса о конкретных формах действительного участия Н. Н. Обручева в революционно-демократическом движении объясняется тем, что дошедшие до нас документальные источники крайне скудны и мало изучены.

Существенно важен поэтому каждый новый документ, относящийся к названным темам. Таким документом является, в частности, хранящееся в «пражской коллекции» письмо Н. Н. Обручева к Огареву от 8 сентября 1861 г.

Находясь с 7 мая 1860 г. по 30 октября 1861 г. за рубежом в служебной командировке, Обручев продолжал поддерживать и укреплять связи с революционными кругами. Он оживленно переписывался с Добролюбовым (который в ту пору тоже был за границей), виделся с ним в Париже (ИРЛИ. Бумаги Добролюбова. 222/2050. X), был посредником в переписке между ним и Чернышевским и переписывался с Чернышевским сам (Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 404—405, 408—409, 421; ИРЛИ. Письмо Н. М. Сорокина к Н. Н. Обручеву. 342/2170. X С).

Во время своего пребывания в Лондоне, не позднее мая — июня 1861 г. Обручев познакомился с издателями «Колокола». Кроме их переписки, этот факт подтверждается и «Воспоминаниями» Н. А. Тучковой-Огаревой. «Между прочими соотечественниками, приезжавшими к Герцену, — сообщает она, — помню Обручева. Он мало говорил; казалось, всматривался в деятельность издателей „Колокола“. Вскоре он сблизился с Огаревым и усердно помогал ему в изложении нужд народа в брошюре под названием: „Что нужно народу?“ (...) Обручев прожил довольно долго в Лондоне и в то время относился очень сочувственно к Герцену и Огареву» (Н. А. Т у ч к о в а - О г а р е в а. Воспоминания. Л., 1929, стр. 311—312).

Близость между Обручевым и издателями «Колокола» не прекращалась и впоследствии. Из содержания публикуемого письма видно, что оно было далеко не единственным, что между издателями «Колокола» и Обручевым возникла деятельная переписка, прежде всего между Обручевым и Огаревым. Это письмо — ответ на какие-то «вести» от Огарева, полученные Обручевым в Берне и Милане.

Хотя письмо Обручева обращено прежде всего к Огареву, заключительные слова: «горячо жму обоим вам руки» — указывают, что Обручев адресовался не к нему одному, а и к Герцену.

Характерно, что Герцен и Огарев знали не только маршрут Обручева, но и примерные сроки его приезда в тот или иной город. Так, еще не получив от Обручева ответ из Берна, они уже написали ему в Милан, зная заранее, что Обручев должен прибыть туда к этому времени.

В письме от 8 сентября нет никаких намеков на прекращение переписки, напротив, обе стороны, видимо, собирались ее продолжать, о чем свидетельствуют вопрос Обручева («Как быть теперь нам с дальнейшей перепиской?») и те конкретные предложения, которые он излагает в письме, сообщая о своем дальнейшем маршруте, вплоть до Вены.

Публикуемое письмо было отправлено Обручевым после того, как он получил из Лондона 105-й лист «Колокола», вышедший в свет 15 августа 1861 г. Именно в этом листе были напечатаны статьи Герцена и Огарева, о которых пишет Обручев и которых он не мог еще прочесть в Лондоне.

Прежде всего Обручев делится своими впечатлениями от статьи Герцена «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» (написанной по поводу «открытия мощей» Тихона Задонского). Обручев восторженно отзываясь об этом боевом выступлении Герцена и даже находит, что «принципал», т. е. Герцен, «помолодел».

Та глубоко сочувственная и взволнованная оценка, которую Обручев дал одному из самых сильных революционных выступлений Герцена, подтверждает, что сближение их произошло на почве революционно-демократических взглядов, присущих обоим. Обращение Герцена к русскому крестьянству, содержащееся в этой статье («О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем (...)? Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездье, ты, сын убитого отца в Пензе...»), взволновало Обручева до слез. Идея революционного освобождения масс, о котором говорит Герцен в заключении статьи, была Обручеву, несомненно, близка. Примечательно, что в своей статье «Памяти Герцена» Ленин полностью привел именно эти знаменитые строки в подтверждение того, что Герцен «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 14).

От статьи Герцена Обручев переходит к статье Огарева об административном устройстве крестьян, утвержденном реформой 1861 г. Эту статью он тоже находит очень удавшейся: «И ваш разбор административного устройства отличен». Но вслед за тем Обручев делает одно важное критическое замечание. В одной из глав статьи «Разбор нового крепостного права» Огарев писал: «...власть большинства голосов, без сомнения, самый легкий, но и самый *грубый* способ решения какого бы то ни было вопроса, способ, основанный на материальной силе и не ушедший от того понятия, что „нас больше, стало, мы и поколотим“; а такое понятие равно бессмысленно и в деле истины и в деле блага общего» (Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 509). «Но с одним местом я не согласен, — писал

Н. Н. ОБРУЧЕВ

Фотография 1877 г.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

по поводу этих строк Обручев. — Мы не должны восставать против мысли „нас болес, так мы и поколотим“, напротив, если мы хотим развить силу в народе, мы именно должны твердить ему, что его больше, чего же он не решается поколотить тех, кого меньше и кто его давит».

Замечание Обручева касается одного из важнейших вопросов — вопроса о роли народа в революционном насилии. Обращает на себя внимание это «мы» (хотим, должны): оно показывает, что Обручев не отделял себя от издателей «Колокола». И в то же время он требовал от Огарева большей четкости в постановке этого вопроса, требовал, чтобы революционная пропаганда неустанно воспитывала в массах сознание их собственной силы, сознание возможности «поколотить» своих угнетателей. Именно четкость, определенность отношения к народу и революционному насилию характерны для учеников и сторонников Чернышевского, к числу которых и принадлежал в это время Обручев.

Интересны мысли Обручева о положении народа в Европе и в России: «Какая, однако, повсюду в народе бедность. Не только у нас, а везде ходит он босой, в дырявых шляпах, чуть что не в лохмотьях. И выбиться из нищеты заграничному народу куда труднее, чем нашему. Получи наш только землю — и он покажет тогда Европе, что значат здоровые экономические начала жизни. Только как-то он, бедный, до земли-то родимой доберется?». Эти слова не только свидетельствуют о том, что Обручев глубоко сочувствовал народу и в Западной Европе и в России, что он горячо верил в творческие силы русского народа, они свидетельствуют также и о том, что Обручев в какой-то мере замисливался у Герцена и Огарева их противопоставление «здоровых экономических начал» России нездоровым западным. Несмотря на свою близость к Чернышевскому, Обручев в данном вопросе, повидимому, стоял не на тех позициях, что Чернышевский.

Касаясь в конце письма политического положения Италии, Обручев высказывает свое сочувствие Гарибальди и насмешливо отзываясь о маневрах Виктора-Эммануила II: король пытался обмануть народ, устроив в Милане 7 октября 1861 г. иллюминацию в честь годовщины триумфального вступления Гарибальди в Неаполь. «Вчера Милан был иллюминирован (в память Гарибальди), — пишет Обручев, — по улицам ходила вечером военная музыка, посланная, конечно, начальством (...) Народ холоден к знакам сочувствия Гарибальди, подогреваемым правительством; он сочувствует Капрере иным, самостоятельным способом, не имеющим ничего общего с правительством...»

Нет сомнения, что в этих строках письма слышится отзвук бесед Обручева о судьбах итальянского народа с Герценом и Огаревым.

Публикуемое нами письмо оказывается первым и пока единственным документальным доказательством связей редакции «Колокола» с Обручевым — деятелем, близким к революционному центру в самой России — к «Современнику» и его редакторам.

Существенно важное значение публикуемого письма в том и состоит, что оно подтверждает идейную и политическую близость Обручева одновременно к обеим революционным группам — лондонской и петербургской. До сих пор таким доказательством считалось известное письмо Герцена и Огарева от 15—20 августа 1861 г., найденное при аресте Чернышевского. Однако указание Лемке на то, что адресатом этого письма является Н. Н. Обручев, осталось недокументированным и не вышло за пределы гипотезы. (См. в приложении к настоящей публикации сообщение Я. З. Чернышова «Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?»).

Возвратившись из-за границы, Обручев принял деятельное участие в хлопотах, связанных с болезнью Добролюбова. Вместе с Чернышевским и Некрасовым некролог Добролюбова подписал Обручев.

В 1861—1862 гг. имя Обручева обращает на себя пристальное внимание III Отделения. В одном из списков, составленных жандармами, оно стоит почти рядом с именем Чернышевского. В 1863 г. Обручев, начальник штаба дивизии и член Комитета «Земли и воли», отказался принять участие в подавлении польского восстания,

лишился из-за этого службы и около года оставался не у дел. В 1864 г. он тяжело заболел и уехал лечиться за границу.

После 1864 г., года роспуска «Земли и воли», мы уже не встречаемся с Обручевым, как с деятелем революционного движения. В дальнейшие годы имя его связано лишь с военной историей России. Он был ближайшим сотрудником Д. А. Милютина в разработке военной реформы 1874 г., автором капитальных трудов по военной статистике, начальником главного штаба русской армии (с 1881 г.).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 194).

МИЛАН. ПЛОЩАДЬ И СОБОР

Раскрашенная литография, 1850-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

8 сентября (1861 г.) Милан

Неделей запоздал я в Берн и в Милан. В обоих был встречен вашими письмами. Только от вас и были письма, более ни от кого. Одному путешествовать куда как скучно; природа хороша, а поговорить не с кем. Без живого человека и природа надоедает. Досадно, что нигде нет у меня знакомых. Вашей рекомендацией в Сомо¹ воспользоваться не мог. Дилижанс опоздал, приехал в Сомо вместо четырех часов в 8 вечера; ни лодок, ни карет, ни языка, чтоб разузнать — где, что и как? Я остался в омнибусе, и он провез меня прямо до Камерлаты — до станции железной дороги. Я сел в вагон и на ночь был в Милане. Швейцарией остался очень доволен. Жаль только, что в Берне меня обокрали. У себя в комнате доставал я паспорт из сумки, по всей вероятности выронил билеты (50 фунтов), которые очень хорошо видел утром; как вернулся домой, комната была прибрана с необыкновенным тщанием, но при осмотре сумки билетов не оказалось; горничная же, убиравшая комнату, отправилась на неделю к

родным в деревню и уже успела уехать. Сообразивши, что шансы к исследованию дела мне не благоприятствуют, что как ни хлопочи, а доказать ничего не могу, я предал дело воле божией и поскорей сам уехал из Берна. Потому и вам ничего не писал, хотя и думал, что, пожалуй, за такую не-исправность останусь без вестей от вас в Милане. Однако вести оказались.

Принципал решительно помолодел; два раза перечитывал я Тихона и катался со смеху, хотя слеза готова была брызнуть совсем не от смеху. Семга, грузди, Погодин, Филарет и рядом мужик, приклонивший голову к новой раке, синие рубцы освобождения... Это черт знает что такое. Каждое слово вас бросает то в смех, то в слезы. — И ваш разбор административного устройства крестьян отличен. Взгляд на договор верен, как нельзя более. Но с одним местом я не согласен. Мы не должны восставать против мысли *«нас более, так мы и поколотим»*, напротив, если мы хотим развить силу в народе, мы именно должны твердить ему, что его больше, чего же он не решается поколотить тех, кого меньше и кто его давит. В применении к решению дел на миру вы правы, восставая против большинства, но к чему было вставлять такую фразу, которой смысл выходит далеко за ваши пределы и режет уж не одно больное место, а и здоровое.

Как быть теперь нам с дальнейшей перепиской? Я в Рим не еду, денег не хватит. Удовольствуюсь осмотром Северной Италии, Генуи, Флоренции, Болоньи и Венеции. Везде буду останавливаться лишь на 2—3 дня, так что письмо мое едва дойдет до вас, как я буду уж на пути в Вену, где проживу недели три. Нечего делать, пишите в Вену, но дабы письмо не валялось на почте, подождите пока, приехав в Вену, сообщу вам свой адрес.

Какая, однако, повсюду в народе бедность. Не только у нас, а везде ходит он босой, в дырявых шляпах, чуть что не в лохмотьях. И выбиться из нищеты заграничному народу куда труднее, чем нашему. Получи наш только землю — и он покажет тогда Европе, что значат здоровые экономические начала жизни. Только как-то он, бедный, до земли-то родимой доберется?

Досадно, что должен бежать из Италии собственно по незнанию языка и неимению знакомых. Вчера Милан был иллюминирован (в память Гарибальди), по улицам ходила вечером военная музыка, посланная, конечно, начальством; чувствуется, что поддержка Гарибальди необходима, только обратить ее в правительственное орудие не удастся. Народ холоден к знакам сочувствия Гарибальди, подогреваемым правительством; он сочувствует Капрере иным, самостоятельным способом, не имеющим ничего общего с правительством, и вывешивает на всех лавочках и углах такие портреты Гарибальди, которые не могут нравиться В(иктору) Э(ммануилу) с компанией. Портреты лубочные, но говорят много. Тут и звезда, и свидание Гарибальди с В(иктором)-Э(ммануилом) по покорении Неаполя², тут, главное, везде красуется и Капрера с своим жильцом, держащим в руке лопату и с грустью склонившим голову. Итальянец пылче француза, и если для французов Наполеон на острове Елены стал каким-то мифом, то Гарибальди на Капрере стал уж теперь для итальянцев божеством. Не знаю, как в Турине, а здесь везде, везде Капрера. Досадно, что не могу читать подписей.

Горячо жму обоим вам руки.

Н. О б р у ч е в

¹ В Сото жил в это время друг Огарева—Виктор Никитич Кашперов (см. выше публикацию его писем).

² *Покорение Неаполя*—триумфальное вступление армии Гарибальди в Неаполь 7 сентября 1860 г.

БЫЛ ЛИ Н. Н. ОБРУЧЕВ АДРЕСАТОМ ПИСЬМА, ВЗЯТОГО ПРИ АРЕСТЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО?

Сообщение Я. З. Черныка*

Письмо Н. Н. Обручева к Огареву, хранящееся в «пражской коллекции», является важным документом для изучения деятельности «революционеров 1861-го года» (Ленин).

Это письмо — первое прямое и бесспорное доказательство существования близких связей между издателями «Колокола» и Обручевым — революционным деятелем, входившим в узкий круг ближайших друзей Чернышевского и Добролюбова. Можно не сомневаться, что новый документ привлечет внимание всех исследователей революционной борьбы шестидесятых годов и будет изучен с различных сторон. Но уже сейчас, когда письмо Обручева только вводится в научный оборот, необходимо остановиться на одном специальном вопросе, означенном в заглавии настоящего сообщения.

С именем Обручева связан существенно важный документ революционно-демократического движения. Как полагали до сих пор исследователи, ему адресовано письмо Герцена и Огарева, которое 7 июля 1862 г. было взято среди других бумаг при аресте Чернышевского. Письмо это представляет особый интерес, во-первых, потому, что оно имело чрезвычайно большое значение в ходе процесса Чернышевского, а во-вторых, потому, что оно свидетельствовало о выдающейся роли адресата во взаимоотношениях между издателями «Колокола» и петербургскими революционерами: предполагалось, что когда Герцен и Огарев сочли необходимым объяснить с Чернышевским по поводу его статьи «О причинах падения Рима», они избрали Обручева в качестве доверенного лица.

Все эти представления, прочно укоренившиеся в исторической исследовательской литературе, берут свое начало в работах М. К. Лемке. Им был обнаружен подлинник письма в сенатском деле Чернышевского и им же первым оно было опубликовано — сначала частично и без всякой попытки определить адресата (журнал «Былое», 1906, № 3, стр. 105—106, и в отдельном издании: «Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского», СПб., 1907, стр. 209—211), затем с категорическим утверждением, что адресатом является Обручев (XI, 214.—1919 год). Колебания Лемке были вызваны причинами весьма серьезными: в подлиннике письма оказались выскобленными многие имена и фамилии, почти все названия и, главное, обращение. К тому же, часть текста, принадлежавшего Огареву, была написана в выражениях иносказательных. Таким образом, перед исследователем стояла трудная задача проанализировать с разных сторон документ весьма сложный, а в некоторых важных частях даже не поддающийся расшифровке. М. К. Лемке сделал все, от него зависящее, чтобы разобраться в содержании документа, определить адресата, разъяснить темные места письма. Он, однако, из-за присущей ему недооценки Огарева, не понял или понял неверно многие намеки во второй части письма Огарева, относящейся не к Чернышевскому непосредственно, а к положению дел в петербургской организации революционеров. Не поняв этой части письма, Лемке сперва отказался от ее опубликования. Лишь в 1923 г., в последнем издании своей книги «Политические процессы в России 1860-х гг.», он напечатал полностью весь текст Огарева и приписку Герцена (стр. 186—191), но и при этой, окончательной публикации не объяснил сколько-нибудь внятно, какие именно данные и материалы позволили ему назвать имя Обручева в качестве адресата письма. Единственная справка по этому вопросу дана Лемке в собрании сочинений Герцена и гласит: «В подлиннике имя [адресата] выскоблено совсем, но точно устанавливается по бумагам архива семьи Герцена» (XI, 1919, 214— примечание). В 1923 г.

* Печатается в порядке обсуждения.—Ред.

Лемке заявил: «Разумеется, такое письмо, на котором дата была выскоблена*, фамилии и имена тоже, привлекало особое внимание комиссии Голицына, но она обнаружила полное неумение расшифровать его и, конечно, так и не дозналась, что адресатом был видный профессор академии генерального штаба полковник Н. Н. Обручев» («Политические процессы...», М., 1923, стр. 192). Высказанное столь решительно утверждение это было, как мы доказываем, ошибочным. Однако ошибка эта просуществовала в литературе вплоть до настоящего времени. Лишь сейчас, основываясь на документальных данных, содержащихся в напечатанном выше письме Обручева к Огареву от 8 сентября 1861 г., мы можем исправить ее.

Дело тут не только в вопросе об адресате письма. Совершив эту частную ошибку, Лемке пришел сам и привел исследователей к ложному представлению о фактической стороне деятельности Обручева и нескольких других виднейших членов петербургской организации в 1861 г. Вот почему нам необходимо рассмотреть детально образцом аргументы и догадки Лемке, не только касающиеся близости Обручева к революционным кругам, но и относящиеся к его участию в конкретных агитационных выступлениях 1861 г. Лемке утверждает, будто Обручев знал о плане этих выступлений, якобы составленном группой деятелей с Чернышевским во главе (см. «Политические процессы...», цит. изд., стр. 318). Критическая оценка всего материала, сообщаемого по этому поводу Лемке, даст нам возможность решить стоящую перед нами задачу.

Прежде всего разберем некоторые противоречия в сообщениях Лемке. Основываясь на том, что Огарев в своем письме обращался к адресату с предложением написать воззвание к «военным людям» (такая прокламация под названием «Что надо делать войску?», получившая широкое распространение, была действительно напечатана без подписи осенью 1861 г. в «Колоколе» и выпущена также в виде листовки и брошюры), Лемке заключил, что Обручев является одним из авторов этого воззвания. Перепечатывая из «Колокола» текст воззвания «Что надо делать войску?» в комментариях к сочинениям Герцена, он сообщил: прокламация написана «Огаревым и Н. Н. Обручевым при содействии Н. А. Серно-Соловьевича» (XI, 314). Но и этого мало: записывая рассказы и воспоминания А. А. Слепцова о периоде шестидесятых годов и составляя «хронологическую канву» в помощь Слепцову, Лемке, без всякого сомнения, выдавал свои (и Слепцова) догадки за «точно установленные» факты. В «Воспоминаниях» Слепцова также несколько раз заходит разговор о Н. Обручеве (напомним читателю, что эти воспоминания — как в изложении Лемке, так и в собственноручной записи Слепцова — утрачены, что полностью напечатаны они не были и известны лишь по многократным упоминаниям и цитатам, приводимым Лемке в его работах). Излагая по архивным документам дело Чернышевского, Лемке сообщил: «Вот что он (Слепцов) записал в имеющемся у меня своем мемуарном манускрипте: „(...) Шелгунов и Николай Обручев взяли на себя обращение к солдатам <...> О таком плане и его выполнении мне сказал в начале 1861 года сам Чернышевский; знал о нем и Н. Н. Обручев, потом, из боязни быть расшифрованным, уклонившийся от участия в общем деле“» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 318; курсив наш. — Я. Ч.). Речь в цитированном отрывке идет о цикле, о серии прокламаций, которую в начале 1861 г. задумали выпустить Чернышевский, Михайлов, Шелгунов и Обручев; предполагалось также участие Щапова, но оно по каким-то причинам не состоялось. Как видит читатель, два сообщения Лемке по одному и тому же вопросу — об участии Обручева в составлении прокламации к солдатам — по смыслу диаметрально противоположны. В комментариях к сочинениям Герцена утверждается: Обручев написал совместно с Огаревым воззвание к солдатам; в комментариях к архивным документам дела Чернышевского, напротив того, говорится: Обручев уклонился от участия в подобной работе. Какое же утверждение правильно?

Отметим еще одно важное противоречие в этом сообщении Лемке: Слепцов будто бы говорил с Чернышевским о плане выпуска прокламаций в начале 1861 г., и великий революционер, придерживавшийся, как известно, правил самой жесткой конспирации,

* В подлиннике вместо полной даты Огарев обозначил: «суббота». Это обозначение сохранилось в документе, и никакой другой «выскобленной даты» на письме нет.

разу будто бы выложил ему «план» выступлений во всех подробностях. Между тем в комментариях к Собранию сочинений Герцена Лемке, на основании того же «манускрипта» Слепцова, сообщает, что Слепцов, возвратившись из-за границы в ноябре 1860 г., впервые отправился, снабженный рекомендательным письмом Н. Н. Обручева, знакомиться с Чернышевским лишь в июле 1861 г. (X, 425—427). Таким образом, получается, что Чернышевский откровенничал с А. А. Слепцовым еще до того, как познакомился с ним! (ср. характеристику противоречий и несообразностей в сообщаемых Лемке «воспоминаниях» Слепцова — в статьях: М. В. Нечкина. Юбилейная литература об Н. Г. Чернышевском.—«Историк-марксист», т. X, 1928, стр. 220; Б. П. Козьмин. Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену.—«Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 579 и сл.)*.

Исполнено подобных противоречий также сообщение Лемке об участии Обручева в выработке, совместно с Огаревым, программного документа, послужившего основой деятельности революционных организаций в 1861 г.; мы имеем в виду статью-воззвание «Что нужно народу?». Эта знаменитая статья, — утверждает Лемке, — была написана Огаревым «не без советов и указаний Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева, А. А. Слепцова, М. Л. Налбандяна и др.» (XI, 136). Статья эта, — добавляет Лемке, — «имела значение как основа будущего тайного общества „Земля и воля“, которое уже было задумано Огаревым и Н. А. Серно-Соловьевичем, что совершенно ясно из документов архива семьи Герцена» (там же).

На этот раз Лемке опирается не только на воспоминания Слепцова, но и на некоторые другие мемуарные источники (мы оставляем в стороне ссылку Лемке на «архив семьи Герцена» из-за ее неопределенности).

Обратимся прежде всего к истории статьи «Что нужно народу?». Огарев начал в листе 101 «Колокола» (от 15 июня 1861 г.) печатать обширный «Разбор нового крепостного права», т. е. анализ «Положений» 19 февраля. Работал Огарев над разбором приблизительно с 15 мая. Напечатав первую главу разбора в листе 101, он пропустил 102-й лист и продолжал печатать разбор в 103, 104, 105 и 106 листах. Почему? Потому что в 102 листе появилась статья «Что нужно народу?», ради опубликования которой было прервано печатание «Разбора». Очевидно, статье этой действительно придавалось весьма большое значение. И понятно какое. Статья явилась ответом революционеров на расправы с крестьянами, на расстрелы крестьян в Бездне, на экзекуции в Пензенской губернии. Сообщение о действиях генерала Дренякина в пензенских поместьях напечатано в том же листе «Колокола», а в тексте прокламации Огарева мы читаем: *«...пришли вразумлять плетью, штыками да пулями {...} Так-то опять плетью да каторгой хотят заставить народ верить, что новый приказный закон есть божеская правда»* (Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, цит. изд., стр. 529). Поскольку статья была напечатана 1 июля 1861 г., а события, которые в ней упоминаются, произошли в апреле и в начале июня того же года, мы должны считать, что работал Огарев над статьей в том же июне 1861 г., а точнее говоря — во второй половине июня. Но возьмем более широкие рамки времени, потребного для обсуждения проблем этой статьи: май — июнь 1861 г. Подчеркиваем, что в эти месяцы в Лондоне находился из перечисленных Лемке лиц только Обручев. Из архивных документов, собранных Н. Н. Новиковой (см. выше ее публикацию), выясняется, что Обручев находился в Лондоне в течение трех месяцев — с начала или середины мая до начала августа 1861 г. Таким образом, участие Обручева в обсуждении задуманной Огаревым статьи представляется вполне возможным. В это время он сблизился с издателями «Колокола» и, по прямому свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, помогал Огареву в работе над статьей «Что нужно народу?» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 311—312).

Лемке в подкрепление свидетельства Тучковой-Огаревой ссылается на прямое «указание» Огарева «в одном из его писем», хранящихся в Румянцевском музее: в этом

* Как устанавливается по формулярным спискам, хранящимся в ЦГИАЛ (ф. 1261, оп. 5, № 8 и ф. 733, оп. 121, № 167344), Слепцов уехал за границу 2 июня 1860 г. и пробыл там одиннадцать месяцев. (Сообщено В. Э. Боградом.) Следовательно, встретиться с Чернышевским в начале 1861 г. Слепцов не мог.

письме Огарев говорит о «помощи», оказанной ему Обручевым «при составлении статьи „Что нужно народу?“» (XI, 136). Таким образом, если бы ссылка Лемке подтвердилась, мы имели бы непосредственное свидетельство автора статьи об участии Обручева в его работе. Но этого подтверждения мы не нашли. Просматривая письма Огарева, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в этом собрании находятся все фонды бывшего Румянцевского музея), мы не обнаружили

ГЕРЦЕН

Гравюра К. Адта, 1890-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

письма, на которое ссылается Лемке. Мы склонны думать, что Лемке перепутал источник и имеет в виду не письмо Огарева, а письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Е. С. Некрасовой, в котором она повторяет приведенное выше место из своих воспоминаний.

Несмотря на ошибочность этой ссылки, можно все же считать помощь Обручева Огареву в работе над статьей «Что нужно народу?» фактом, который подтвержден свидетельством современника.

Но, по словам Лемке, вместе с Обручевым советы и указания Огареву давали Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов, М. Л. Налбандян и другие лица; между тем, как оказывается при проверке, ни А. А. Слепцова, ни Н. А. Серно-Соловьевича в Лондоне в мае — июне 1861 г. не было. Данных же о письменных сношениях между Слепцовым и Огаревым в этот отрезок времени нет, и нет никаких оснований предполагать, что переписка существовала.

Точно так же и участие Н. А. Серно-Соловьевича в обсуждении статьи «Что нужно народу?» не могло происходить в тех формах, о которых говорит Лемке. Серно-Соловьевич тоже находился весной и летом 1861 г. в Петербурге и ни легально, ни нелегально в Лондон не приезжал. 6 августа 1861 г. Герцен писал Н. А. Огареву: «Разные генералы просили о высылке из Петерб(урга) обоих Сер(но)-Сол(овьевичей) (старший приехал в Аахен), за то, что, будучи свидетелями брани офицера с мужиком, они показали, что офицер был пьян» (XI, 169). Сообщение аналогичного характера, написанное, вероятно, Огаревым, было помещено в «Колоколе» в заметке «Лейб-правосудие и лейб-гвардия» (л. 106 от 1 сентября 1861 г.). Здесь говорилось о вмешательстве в дело крестьянина Никитина, преданного военному суду, «двух братьев Серно-Соловьевичей, служащих в каком-то министерстве». Следовательно, Н. А. Серно-Соловьевич в Аахен приехал только в двадцатых числах июля ст. ст., и свидетельство Лемке о его советах Огареву нельзя признать достоверным. Однако может статься, что Лемке в данном случае имел в виду советы Н. А. Серно-Соловьевича, доставленные Огареву через посредство третьих лиц. Действительно, Серно-Соловьевич переписывался с Огаревым в 1860 и в 1861 гг. и позже. Письмо Серно-Соловьевича к Огареву, написанное осенью 1860 г., и письмо Огарева к Серно-Соловьевичу от 20 июня 1862 г. сохранились, как сохранилось и конспиративное письмо Серно-Соловьевича к Герцену и Огареву, отправленное им из Петропавловской крепости (см. настоящий том, стр. 560). Переписка существовала — значит, можно предположить, что выступление Огарева было небезызвестно Серно-Соловьевичу и что тем или иным способом Огарев с Серно-Соловьевичем снесся. На это указывает, между прочим, и то обстоятельство, что несколько месяцев спустя, в связи со статьей Серно-Соловьевича «Ответ Великооруссу» («Колокол», л. 107 от 15 сентября 1861 г.) и ответом Огарева на эту статью («Колокол», л. 108 от 1 октября 1861 г.), между ними происходили письменные сношения. И все-таки говорить об указаниях Н. А. Серно-Соловьевича Огареву по поводу статьи «Что нужно народу?» в категорической форме Лемке права не имел *. Те данные, которые были у Лемке в руках, давали ему право высказать только предположение об этом. К вопросу о том, когда и с какой целью приехал за границу Н. А. Серно-Соловьевич и какие именно указания были сообщены им Герцену и Огареву, мы вернемся позднее.

Остается третий участник — М. Л. Налбандян. Нет никаких данных, подтверждающих его участие в лондонских совещаниях этого времени. Напротив, можно с уверенностью сказать, что в интересующий нас период времени Налбандян в Лондоне не было. В руках самого Лемке находился и им же самим был впервые опубликован документ, устанавливающий с совершенной бесспорностью, что в 1861 г. Налбандян посетил Лондон между 11 и 18 января и между 3 февраля и 17 марта. В это время никаких обсуждений статьи «Что нужно народу?» не происходило и происходить не могло — статья, как мы показали, была задумана позже (см. М. К. Лемке. Очерки... СПб., 1908, стр. 115).

Мы приходим, таким образом, к следующему выводу: в составлении программной статьи «Что нужно народу?» из всех перечисленных Лемке лиц прямое участие принимал лишь Обручев. Участие Н. А. Серно-Соловьевича, если оно и имело место, остается недоказанным. Подлежит дальнейшему исследованию вопрос об участии А. А. Слепцова в подготовке статьи, поскольку в двадцатых числах апреля 1861 г. он покинул Лондон. Не мог также принять участия в этой работе М. Л. Налбандян. Остается вопрос, кого же подразумевает Лемке под обозначением «и др.». Очевидно, под этим весьма неопределенным указанием подразумеваются, во-первых, Герцен, с которым Огарев советовался постоянно, во-вторых, М. Л. Михайлов и Н. В. Шелгунов: как раз в июне 1861 г. они привезли в Лондон рукопись прокламации «К молодому поколению» для напечатания в Вольной типографии. Михайлов и Шелгунов не только могли, но должны были явиться советчиками Огарева именно по вопросу о формулировках основных положений статьи-воззвания «Что нужно народу?», так как именно они

* Решительно отвергает возможность этого участия И. Володарский в статье о Н. А. Серно-Соловьевиче, напечатанной в журнале «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 35.

«ЛЕТУЧИЕ ЛИСТКИ», № 1

Сборник революционных прокламаций. Гейдельберг, 1862 г.

Библиотека СССР им. В.И.Ленина,
Москва

ЛЕТУЧИЕ ЛИСТКИ.

1.

I. Великорусь. 1.

II. Ответъ Великоруссу.

III. Ответъ на ответъ Великоруссу, Огарева.

IV. Великорусь. 2.

V. Къ молодому поколѣнію.

VI. Великорусь. 3.

Гейдельбергъ.

Heidelberg.

Бангелъ и Шмйтъ.

Bangel & Schmitt

1862

вместе с Чернышевским были авторами первых обращенных к народной массе воззваний.

Рассматривая прокламацию «К молодому поколению» вместе с Шелгуновым и Михайловым, издатели «Колокола» не могли также не касаться и других прокламаций, потому что все эти воззвания были связаны друг с другом. Прокламация «К молодому поколению» явно связана с воззваниями к барским крестьянам и русским солдатам. Обращаясь к молодежи, авторы прокламации говорили: «...вы должны объяснить народу, что у него есть *доброжелатели*, что есть люди, желающие, чтобы он владел землей (...) Не забудьте и солдат. Объясните им, что и у них есть *доброжелатели*, которые хотели бы убавить солдатам срок службы, дать им больше жалованья, избавить их от палок» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 66).

Подчеркнутое нами слово *доброжелатели* встречается также в заглавиях обеих прокламаций — Шелгунова и Чернышевского. О непосредственной связи между всеми тремя прокламациями Шелгунов, с присущей ему точностью, говорил в первом, раннем, написанном в 1883 г. отрывке из «Воспоминаний», следующее: «...прокламации, точно по уговору, явились все в одно время. Все они принадлежали очень небольшому кружку людей, действовавших отдельно и в глубокой тайне (...) Я буду говорить только о трех прокламациях, о которых знаю достоверно: „К молодому поколению“, „К крестьянам“, „К солдатам“, * (Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Л., 1923, стр. 32).

* Под последними двумя Шелгунов подразумевает прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и свою: «Русским солдатам от их доброжелателей поклон». Обращает на себя внимание дата рукописи «Воспоминаний» — 20 сентября 1883 г., т. е. почти через месяц после отправки Чернышевского из Виллюйска в Астрахань (23 августа 1883 г.). В исходе сентября сведения об этом событии могли, через А. Н. Пыпина, дойти до Шелгунова. Не является ли «неточность» Шелгунова

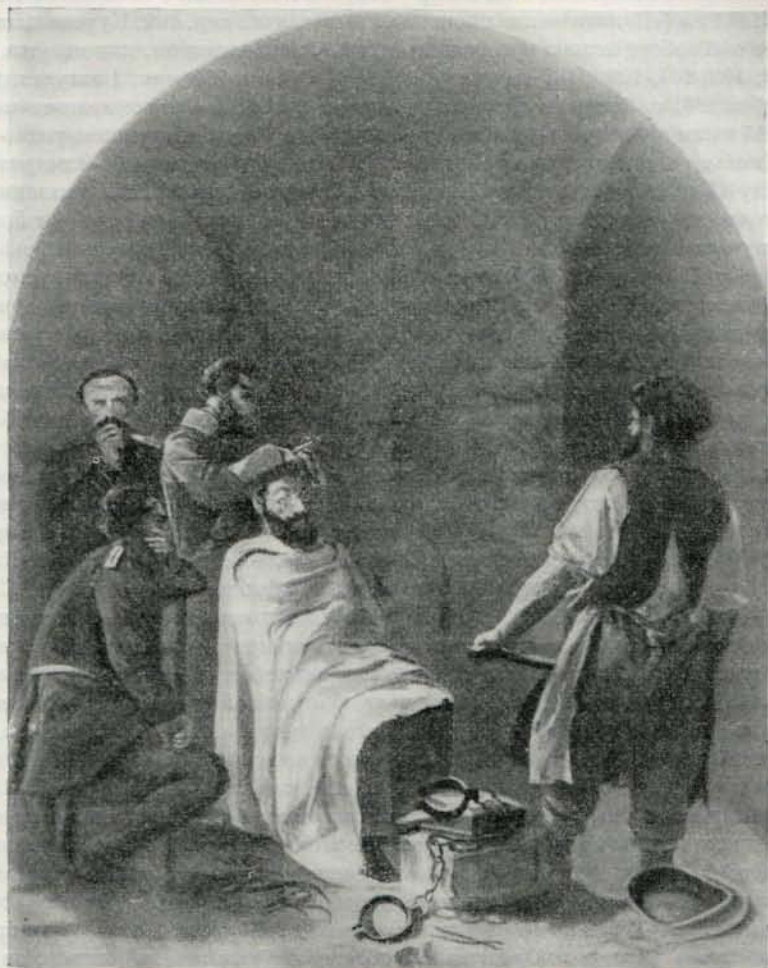
Сопоставляя имеющиеся данные, мы приходим к заключению, что воззвания: Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», Шелгунова «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», Шелгунова — Михайлова «К молодому поколению» и Огарева — Обручева «Что нужно народу?» — представляют собой единую цепь. Проект обеих первых прокламаций (Чернышевского и Шелгунова) был написан до обнародования «Положения» 19 февраля, как это, относительно прокламации Чернышевского, установила М. В. Нечкина. Шелгунов свидетельствует в своих воспоминаниях, что обе прокламации были написаны зимой 1860/61 г., т. е. следует считать и прокламацию Шелгунова написанной не позже февраля 1861 г. Прокламация «К молодому поколению» (Шелгунова — Михайлова) была готова в мае или начале июня 1861 г., после чего Михайлов, а несколько позже и Шелгунов приехали в Лондон. Сравнивая тексты прокламаций, можно установить следующее. Прокламация «Барским крестьянам...» многими чертами сходится с воззванием «Что нужно народу?». Можно даже предположить, что текст второй есть измененный и смягченный вариант первой; во всяком случае, автор или авторы статьи «Что нужно народу?» читали и знали проект прокламации «Барским крестьянам...». Сопоставление же проекта прокламации «Русским солдатам...», написанного Шелгуновым, с воззванием «Что надо делать войску?» приводит к результату, еще более разительному. В литературе уже отмечалось большое сходство между воззванием Шелгунова и воззванием «Что надо делать войску?», автором которого был Огарев (совместно с Н. Н. Обручевым при содействии Н. А. Серно-Соловьевича, как утверждает Лемке, — XI, 314). Мы вынуждены вновь остановиться на этих утверждениях. Н. Н. Обручев в начале августа 1861 г. уехал из Лондона. Как явствует из письма его от 8 сентября 1861 г., он приблизительно с середины августа совершал путешествие по заранее рассчитанному маршруту и находился в конце августа и в начале сентября в Швейцарии, с 7 сентября по конец месяца — в северной Италии, в октябре — в Вене. Следовательно, в августе — октябре Обручев в Лондоне не был и сотрудничать с Огаревым в той форме, о которой говорит Лемке, не мог. Воззвание «Что надо делать войску?» напечатано в «Колоколе» от 8 ноября 1861 г. (л. 111), написано воззвание после 23 сентября ст. ст. (5 октября н. ст.) 1861 г.: в этот день было обнародовано утвержденное Александром II «Наставление» войскам о том, в каких случаях, подавляя «беспорядки», следует употреблять холодное, «в каких — огнестрельное оружие; «когда бить народ холодным оружием, когда пулей», как выражается Огарев. Этот приказ царя послужил для революционной организации отправной точкой для обращения к солдатам. В воззвании «Что надо делать войску?» имеется ссылка на «С.-Петербургские ведомости» от 23 сентября (5 октября) 1861 г., где «Наставление» было напечатано. Этот номер мог быть получен в Лондоне около 10—12 октября н. ст. Если предположить, что Огарев написал проект воззвания как только получил газету — в течение 4—5 дней, т. е. к 15—16 октября, то посоветоваться с Н. Н. Обручевым, находившимся в это время в Вене или Берлине, ни по почте, ни с помощью оказии, он успеть не мог — в двадцатых числах октября воззвание уже должно было находиться в наборе в Вольной типографии. Таким образом, Н. Н. Обручев, пишущий совместно с Огаревым воззвание «Что надо делать войску?», есть домысел Лемке, противоречащий фактам.

Что касается «содействия Н. А. Серно-Соловьевича», у нас нет никаких данных, говорящих за или против этого предположения. В это время, в октябре 1861 г., Серно-Соловьевич находился на Западе и в той или иной мере мог участвовать в обсуждении прокламации или сообщить свои замечания каким-либо другим путем, но сделал ли он это — неизвестно.

в названии прокламации Чернышевского умышленной? Возникает вопрос — не изменил ли Шелгунов название намеренно, опасаясь упоминанием о воззвании, хорошо известном полиции, навлечь какие-нибудь новые преследования на возвращающегося в Россию Чернышевского? О правильности подобного предположения свидетельствует также то, что, заменив настоящее название прокламации нейтральным «К крестьянам», он страницей ниже именует ее еще по-другому: «К народу». Достаточными данными для ответа на поставленный вопрос мы не располагаем, но считаем необходимым его поднять.

Итак, не Обручев участвовал в составлении воззвания «Что надо делать войску?». Кто же? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к письму Огарева и Герцена, найденному в бумагах Чернышевского.

Начнем с датировки этого письма. Лемке обозначил в Собрании сочинений Герцена дату: «15—20 августа 1861». В других изданиях указывается: середина августа 1861 г. (например, см. Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II. М.—Л.,

М. И. МИХАЙЛОВ ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ НА КАТОРГУ

Картина неизвестного художника, 1861 г.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотографии
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

1928, стр. 429). Обосновать предложенную дату Лемке не считал нужным, но не трудно установить, из каких соображений он исходил. Дело в том, что и в письме Огарева и в приписке Герцена упоминаются произведения, время опубликования которых в «Колоколе» точно известно. Так, в приписке Герцена читаем: «А рггггг, рекомендую вам небольшую статейку мою об открытии мощей Тихона». Эта статья Герцена напечатана в л. 105 «Колокола», вышедшем в свет 15 августа 1861 г. А так как письмо Огарева заканчивалось словами «„Колокол“ посылаю», следовало заключить, что посылается именно тот лист, в котором напечатана упомянутая Герценом «статьейка». Отсюда возникла и датировка письма: 15—20 августа, т. е. в течение нескольких дней после

выхода в свет 105-го листа «Колокола». Лемке считал эту дату столь бесспорной, что не стал проверять свои соображения и дополнять их другими данными. Между тем предложенная им дата противоречит следующему точному указанию Огарева, сделанному в конце письма: «...я кончил разбор Положений и думаю, что он весьма полезен. В нынешних №№ *местные* поло(ж)ения); оно может быть и посуше, но не бесполезно. В будущем и еще одном номере — администрация. Это опять очень интересно». К этому месту Лемке дает примечание: «„Разбор“ Огарева напечатан в нескольких №№ „Колокола“ за 1861 г.» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 191. Курсив наш.—Я. Ч.). Речь идет о «Разборе нового крепостного права», напечатанном, как мы уже отмечали, в лл. 101, 103, 104, 105 и 106 «Колокола», т. е. 15 июня, 15 июля, 1 августа, 15 августа и 1 сентября 1861 г. Листы, в которых напечатан разбор *местных положений*, это 103 и 104 от 15 июля и 1 августа 1861 г. Огарев говорит: «в нынешних номерах» — это значит, что письмо его написано приблизительно между 15 июля и 1—3 августа 1861 г., а не между 15 и 20 августа, как предполагал Лемке. И дальнейшее указание Огарева тоже в точности соответствует действительности: разбор администрации был напечатан 15 августа и 1 сентября 1861 г., то есть «в будущем и еще одном номере». Каким же образом «статейка» Герцена «о Тихоне» оказалась упомянутой в анализируемом письме? Вопрос решается очень просто. Герцен нередко рекомендовал вниманию своих корреспондентов те из своих заметок, которыми сам был особенно доволен, — рекомендовал и *до* и *после* их появления в том или ином номере «Колокола», а «статейка» о Тихоне принадлежала к числу самых удавшихся. «Когда будете писать, скажите, как на вас подействовала моя любимая статья „о Тихоне воронежском“ в „Колоколе“» (XI, 238), — спрашивал он 3 сентября 1861 г. в письме к В. Н. Кашперову.

Итак, нет никакого сомнения в том, что Лемке ошибся и передвинул дней на двадцать действительную дату письма. Попытаемся ее уточнить. И Огарев и Герцен упоминают в тексте о том, что на статью Чернышевского их натолкнули «С.-Петербургские ведомости». Герцен пишет: «Мы никогда бы не догадались, что Чернышевский à la Baron Vidil, ехавши дружески возле, вытянул меня арапником. Это я обязан „СПб. ведомостям“, — они указали» (XI, 212). Огарев свидетельствует о том же: «...по случаю какой-то истории Рима встречаем мы в „Современнике“ (уже прежде смекнувши из довольно плохой критики в „Петеб(ургских) ведом(остях)“ статью прямо против нас...)» (XI, 214). Речь в обоих отрывках идет об огромной статье (четыре газетных подвала, в пять колонок каждый) — «Журнальные заметки» Н. Воскобойникова, целиком направленной против статьи Чернышевского и напечатанной 1 июля 1861 г. в номере, полученном в Лондоне 7—8 июля по ст. ст., т. е. около 20 июля н. ст. 1861 г. Пятая книжка «Современника», в которой напечатана статья Чернышевского, к тому времени уже около месяца могла быть получена в Лондоне (цензурное разрешение пятого номера дано 30 апреля, номер выпущен в свет около 29 мая 1861 г.). Между тем ни Герцен, ни Огарев (а возможно и находившиеся в это время в Лондоне близкие сотрудники «Современника» — Обручев и Михайлов) статьи Чернышевского не прочитали. Во всяком случае Герцен и Огарев ее не обсуждали ни с кем до тех пор, пока статья Н. Воскобойникова не обратила их внимание на полемическое выступление Чернышевского. Содержание статьи Воскобойникова, враждебной Чернышевскому, свидетельствовало, что и Герцена и Огарева он лишь для видимости брал под защиту как «лучших людей нашего общества». Нападая на «Современник», Воскобойников недвусмысленно указывал на то, что выступление Чернышевского есть нападение «на своих». Сделано это было следующим образом. Воскобойников в качестве образца «дикости» привел поступок того средневекового папского прелата, который «при взятии католликами одного города, где были и альбигойцы и паписты, приказал бить всех без разбору, говоря: „Господь уж отберет своих“». По Воскобойникову, Чернышевский подобен этому прелату. Статья Воскобойникова, вышедшая летом 1861 г. — в самый разгар «усмирения» крестьян, — звучала как прямой донос на Чернышевского и содержала в себе злорадное указание на разгноasia в революционном лагере.

Одновременно со статьей Воскобойникова была получена в Лондоне шестая (июньская) книжка «Современника». Об этом можно судить на основании следующих данных. Дата цензурного разрешения шестой книги — 24 июня; выпущена в свет она

была 1 июля 1861 г., а в Лондоне получена около 20 июля н. ст. К тому моменту, когда Огарев писал свое письмо, эта книжка была не только получена, но и прочитана им. Он писал в рассматриваемом письме: «В () * поместили по поводу статьи () ** статью о государственном банке. Прелесть! хоть и видно, что кое-где цензура мешала, но какое благородство тона, определенность и ясность изложения! Просто — я его помню, как мать сына, с таким удовольствием и любовью» («Политические процессы...», цит. изд., стр. 190). Только об одном писателе, авторе статей на экономические темы, отзывался Огарев с такой доброжелательностью — о Н. А. Серно-Соловьевиче, вполне разделяя с Чернышевским одобрительное отношение к его экономическим работам. В упомянутой шестой книжке «Современника» как раз напечатана статья Н. А. Серно-Соловьевича, озаглавленная: «Размышления по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заемном банке». Таким образом восстанавливаются выскобленные слова в рассматриваемом письме Огарева; в первом случае следует читать: «В „Современнике“», во втором: «по поводу статьи г. Шилля». Но, вместе с тем, окончательно выясняется, что письмо Огарева могло быть написано не ранее 23 или 24 июля, т. е. после того, как Огарев прочел полученную около 20 июля шестую книжку «Современника». Для того чтобы определить, не позже какого дня могло оно быть написано, вспомним сообщенные выше данные. Письмо написано незадолго перед выходом или вскоре после выхода в свет того листа «Колокола» (л. 104), в котором было закончено печатание разбора *местных положений*, т. е. около 1 августа 1861 г.

Итак, находившееся в бумагах Чернышевского письмо Огарева и Герцена было написано между 23 июля и 1—3 августа 1861 г. «Суббота», которой помечено письмо Огарева, приходилась в конце июля 1861 г. на 27-е, в начале августа — на 3-е; в один из этих двух дней оно и написано.

Но между 27 июля и 3 августа Обручев находился еще в Лондоне или (в том случае, если мы ошиблись в подсчетах) только за несколько дней перед тем покинул Лондон и отправился через Париж в Швейцарию. Письмо Огарева начинается словами: «Ну, милый () ***», долго я думал и ждал, не поедет ли кто к вам, но не дождался и решил писать просто (...) Истинно жаль мне, что вас нет в Питере (...)». И далее вновь: «ступайте в Питер (...)». Не ясно ли, что эти строки не могут быть обращены к Обручеву, который либо еще находился в Лондоне, либо покинул его очень недавно? Огарев был, как это явствует из письма к нему Обручева, точно осведомлен о маршруте его путешествия. Ему было известно, что Обручев по октябрь 1861 г. находится в служебной военной командировке, что, прервав свое путешествие, отправиться в Петербург, он, как военный, как старший офицер, просто не имеет права, а как человек с конспиративным опытом и не станет этого делать. С другой стороны, Огарев, считавший, что выяснить отношения с Чернышевским — задача весьма срочная, не стал бы обращаться к человеку, завершающему свое путешествие по Швейцарии и Северной Италии и собирающемуся приехать в Петербург только в ноябре 1861 г. Неуместно также в применении к Обручеву выражение: «Долго я думал и ждал, не поедет ли кто к вам». Огареву были известны пункты, в которых Обручев должен был находиться в определенные сроки и куда следовало направлять письма. Ждать «оказии» в таком случае невозможно (корреспондент находился в непрерывном движении), можно лишь писать до востребования в определенные заранее пункты, а это Огарев мог сделать, решившись доверить письмо почте, тотчас. Как увидит читатель дальше, многие строки письма и по самому содержанию своему не могли быть обращены к Обручеву.

Итак, мы с полной решительностью должны отвергнуть утверждение, будто адресатом письма Огарева был Обручев. Ошибка Лемке, а вслед за ним почти всех писавших об этом вопросе несомненна.

Кому же, однако, адресовано письмо? Адресат должен отвечать следующим требованиям: 1) это должно быть лицо, достаточно близкое и к Чернышевскому и к Герцену и Огареву, чтобы иметь возможность от имени Огарева и Герцена заявить протест

* Выскоблено название журнала.

** Выскоблена фамилия автора статьи, с которым ведется полемика.

*** Выскоблено обращение.

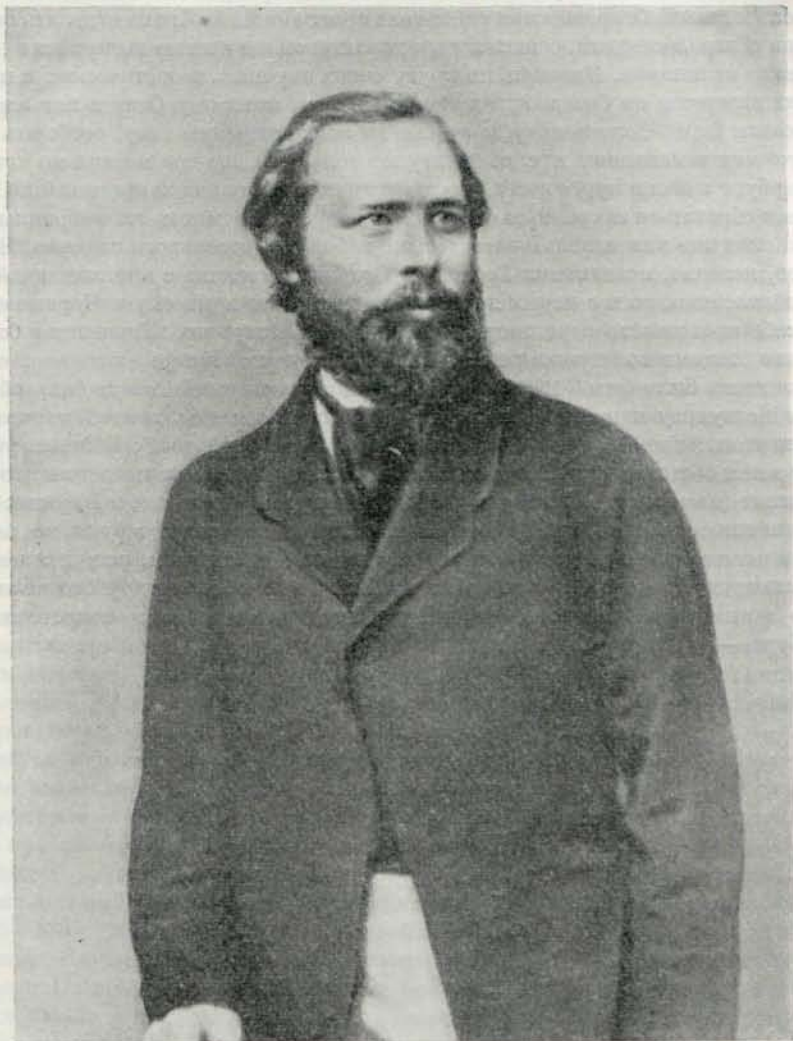
против «биться по своим»; 2) оно должно иметь возможность в ближайшее время — в течение августа 1861 г. — отправиться в Петербург; 3) это лицо должно обладать твердым характером и уметь добиваться нужных результатов, — устранить помеху делу, как того требует Огарев, рекомендуемый «шелкнуть дружески, но военным кулаком по такой дребедени»; 4) лицо это должно знать военную среду настолько, чтобы составить специальную прокламацию, обращенную к солдатам; 5) лицо это должно быть в курсе весьма многих вопросов, затронутых в письме Огарева, касающихся отношений «петербургской компании», «петербургской торговли» (т. е. столичной организации) с местными «агентствами», «ярмарочными капиталами» (т. е. провинциальными группами); таким образом, лицо это еще недавно должно было находиться в России; 6) лицо это должно быть в курсе агитационной и пропагандистской работы революционной организации и быть достаточно авторитетным, чтобы срочно решить заданный Огаревым вопрос: целесообразно ли выпустить отдельной брошюрой «Разбор нового крепостного права», напечатанный в «Колоколе»? Ответ был быстрый и положительный — об этом можно судить по тому, что брошюра «Разбор...» вышла из печати между 1 и 15 октября 1861 г. (см. объявления издательства Трюбнера о вышедших книгах, приложенные к л. 109 «Колокола»); наконец, 7) лицо это должно быть в курсе разработки экономической программы и программы всего послереволюционного устройства. К этому лицу Огарев обращается с сообщением, что им разработан проект областного банка как формы общественного «народного» кредита после крестьянской революции. К этому лицу Огарев обращается с похвалами статье Серно-Соловьевича на аналогичную тему.

Мы должны здесь вновь вернуться к вопросу о роли Серно-Соловьевича в сношениях с Лондоном с июля по август 1861 г. Как известно, совместное письмо Огарева и Герцена начинается с ответа Огарева на вопрос адресата: «Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Черн(ышевский) поручил тому господину, который в ()^{*} не попал, сказать нам, чтобы мы не увлекали юношество в литературный союз, что из этого ничего не выйдет». Чернышевский, отвечая в следственной комиссии на соответствующий вопрос, разъяснил, что речь шла о *политическом* союзе с молодежью, к которому призывал «Колокол». Расшифровывая это место письма, исследователи высказывали предположение, что под «господином, не попавшим в Лондон», подразумевается Шелгунов, который задержался в Германии и приехал в Лондон несколько позже Михайлова. Но, конечно, ни Михайлову, ни Шелгунову Чернышевский подобного поручения давать не мог, они поехали за границу именно с целью подготовить обращение к молодежи — напечатать воззвание «К молодому поколению», содержащее открытый революционный призыв к молодежи. Необходимость для Чернышевского сделать подобное предупреждение возникла уже после отъезда Шелгунова и Михайлова за границу, а именно в июле 1861 г., когда вышел первый и готовился второй лист «Великорусса». В распространении «Великорусса» правительственные органы сразу же заподозрили молодежь, студентов в первую очередь, а это и побуждало Чернышевского и Серно-Соловьевича, ближе всех стоявших к начинавшемуся студенческому движению, принять меры к изменению ранее выработанного Михайловым и Шелгуновым плана. Н. А. Серно-Соловьевич, как можно предположить, и был тем «господином, который в Лондон не попал», но, приехав за границу, снесся с Герценом и Огаревым и передал им поручение Чернышевского. Когда это произошло? Серно-Соловьевич закончил в июне 1861 г. работу над брошюрой «Окончательное решение крестьянского вопроса». Предисловие к этой брошюре помечено «С. Петербург, 24 июня 1861 года». После этого он предпринял поездку за границу, где в Берлине отпечатал брошюру и выпустил за полной подписью. О решении подписать полным именем бесцензурное издание он осведомил Герцена и Огарева. Огарев писал об этом решении Герцену. И Герцен в письме к Огареву от 2 октября н. ст. 1861 г. о плане и колебаниях Серно-Соловьевича говорит довольно подробно (XI, 244). Как мы уже отмечали, первое упоминание о приезде Серно-Соловьевича в Аахен содержится в письме Герцена от

^{*} Это высклобленное слово предположительно читается: Лондон.

6 августа н. ст. Незадолго до этого Серно-Соловьевич и передал (как следует предположить) с кем-то в Лондон столь поразившее Огарева требование Чернышевского. Сам же вплоть до 1 октября 1861 г. оставался в Германии, а в Лондон не приезжал, ограничиваясь письменными сношениями.

Вот почему, как следует предположить, именно Серно-Соловьевича Огарев обозначил словами «тот господин, который в Лондон не попал», заведомо зная, что адре-

А. А. СЛЕПЦОВ

Фотография, 1870-е гг.

Исторический музей, Москва

сату будет ясно, о ком идет речь: Шелгунов был одним из ближайших друзей Серно-Соловьевича и был, очевидно, осведомлен о его приезде за границу, но не в Лондон.

Из числа лиц, близких Чернышевскому и остававшихся в Европе до конца июля 1861 г., адресатом письма не могли быть ни Михайлов, ни Добролюбов — оба они возвратились в Россию в июле 1861 г. Не могли им быть также Обручев, как мы показали выше. Есть только одно лицо, вполне отвечающее перечисленным выше требованиям. Это Николай Васильевич Шелгунов, друг Чернышевского, сблизившийся в Лондоне

с Герценом и в особенности с Огаревым. После того как статья-прокламация «К молодому поколению» была отпечатана и Михайлов, повезший шестьсот экземпляров прокламации в Петербург, уехал, Шелгунов должен был, оставаясь за границей, ждать сообщений о провозе прокламации, чтобы действовать в соответствии с полученными известиями. Возвратился Шелгунов в Петербург в августе 1861 г. Он был военным по образованию, полковником корпуса лесной стражи, знатоком жизни солдат и автором проекта прокламации «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», без сомнения использованной Огаревым при работе над прокламацией «Что надо делать войску?». Шелгунов обладал твердым, решительным характером и с честью выдержал в дальнейшем тяжкие испытания. Наконец, по кругу своих научных, теоретических и публицистических интересов он был как раз тем человеком, которому Огарев мог адресовать свои похвалы Серно-Соловьевичу за статью на экономическую тему, сообщать о своих экономических изысканиях и т. п. Шелгунов только за два-три месяца до того покинул Петербург и был в курсе всего, что происходило в столичной организации. К нему Огарев мог обратиться за срочным ответом на вопрос: рассыпать ли набранный «Разбор» в «Колоколе» или использовать тот же набор для отдельного издания. Наконец, Шелгунов, конечно, познакомил Герцена и Огарева не только с прокламацией «К молодому поколению», но и с двумя другими, принадлежавшими ему и Чернышевскому. Нельзя себе представить переговоры Михайлова и Шелгунова с Герценом и Огаревым без такого взаимного осведомления. Слова Огарева: «Теперь вот что: о < > * людях написать было бы < > ** дело < > *** язык известнее» могут быть обращены именно к Шелгунову как автору знакомого Огареву проекта солдатской прокламации.

В том, что именно Шелгунов был адресатом письма Огарева и Герцена, нас убеждает еще следующее обстоятельство. Огарев долго «думал и ожидал», не поедет ли кто-нибудь на континент (насколько можно установить, Шелгунов оставался в Париже; см. его «Воспоминания», цит. изд., стр. 35), чтобы передать письмо из рук в руки, но, зная, что Шелгунов может со дня на день двинуться вслед за Михайловым, решил переслать ему письмо просто по почте. В это время не было на континенте другого человека — русского военного, близкого к Чернышевскому, почти тотчас отправляющегося в Петербург, — кроме Шелгунова.

* *выскоблено слово, вероятно: военных.*

** *выскоблено слово, вероятно: необходимое или хорошее.*

*** *выскоблены слова, вероятно: вам этот или вам солдатский.*